

Леонид Терещенков

Ханс Ульрих Гумбрехт. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Фещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. 176 с. ISBN 978-5-86793-685-3.

Леонид Терещенков. Адрес для переписки: пр. Ленина, 33б, кв. 14, Петрозаводск, 185035, Россия. tereshenkovster@gmail.com.

Это третья по счету книга американского историка литературы Ханса Ульриха Гумбрехта. До этого в издательстве «НЛО» увидели свет еще две книги профессора Стенфордского университета: исследование по истории темпорального отрезка «1926» и теоретическая работа «Производство присутствия», пафос которой направлен на реабилитацию эффектов чувственного, телесного присутствия, игнорирование которых делает наш опыт восприятия культуры в лучшем случае неполным, а в худшем – несостоятельным.

«Похвала красоте спорта» повествует не столько о спорте, сколько о том зрелищном эффекте, который дает созерцание спортивных состязаний. Автор скептически отзывается о сложившемся академическом консенсусе при рассмотрении социальных оснований спорта. По мнению Гумбрехта, привычным делом в академической среде стало рассмотрение спорта в качестве разновидности биополитического заговора, возникающего в результате делегирования государственной власти на уровень саморефлексивной микровласти. Даже у тех историков и социологов, которым удается сдержать свой агрессивный пыл, редко получается обойтись без наделения спорта лишь подчиненной функцией внутри более обширной и более могущественной системы. Виноваты в образовании столь неблагоприятного для спорта академического консенсуса ведущие интеллектуалы второй половины XX века – прежде всего, Норберт Элиас, Мишель Фуко и Пьер Бурдьё. Гумбрехт считает, что именно благодаря их усилиям гуманитарии стали все чаще приписывать спорту репрессивные функции.

Рассматривая линию интерпретации Элиаса и Фуко, автор замечает: «Так, видный историк культуры Норберт Элиас обосновывает возрастание статуса спорта в раннемодерную эпоху западной цивилизации как фактор, позволявший контролировать и порабощать человеческие тела – цель, к которой западная культура никогда не была равнодушна, как мы знаем из работ Мишеля Фуко и других» (с. 21). Гумбрехт иронически комментирует и тезис французского социолога Пьера Бурдьё о том, что спорт выполняет функцию социальной дифференциации и различения: «Мы с благодарностью узнаем от ученого то, что знали всегда, а именно: то, что занятия теннисом или гольфом полезны как инструмент ускорения и повышения социальной мобильности» (с. 22).

Единственный автор, который удостаивается положительного отзыва на страницах книги – это Роже Кайуа (Roger Caillois). Этот французский эссеист, социолог культуры и исследователь мифологии находился под сильным интеллектуаль-

ным влиянием Жоржа Дюмезиля, Александра Кожева и Марселя Мосса. Кайуа относит спорт к разновидности игры, к сфере сакрального. Эта позиция близка и самому Гумбрехту: «Все, что нужно спорту, – это дистанция между спортсменом и зрителем – дистанция, достаточная для зрителя, чтобы уверовать в то, что его ку-миры обитают в каком-то другом мире. Это и есть условие, при котором спортсмен становится объектом преклонения и восхищения» (с. 10). В этой цитате, пожалуй, передан основной смысл всей книги, которая стилистически и содержательно напоминает разросшееся эссе (отметим также несомненные литературные достоинства этого текста).

На страницах монографии присутствуют и квазиавтобиографические отступления от лица «рядового болельщика», призванные средствами литературы показать механику формирования эстетического чувства при созерцании спортивных состязаний.

В итоге здесь появляется оригинальное определение спорта, основанное на трех следующих аспектах этого феномена. Согласно Гумбрехту, формы спортивного зрелища несут особый характер, так как проникнуты ценностями агона (соревновательности) и арете (стремления к превосходству). И, наконец, спорт, всегда находится на определенном расстоянии от наших обыденных интересов и практик.

Главное, что отличает подход Гумбрехта, – это настойчивое желание провести грань между «звездами», участниками спортивных состязаний и зрительской массой. Демократизм фразы сочетается у автора с крайним антидемократизмом подхода. Начиная свое описание с борцов сумо и античных атлетов из поэм Пиндара, автор игнорирует ту черту, которая и отличает спорт Нового времени от всех атлетических соревнований прочих эпох: его принципиальную открытость к вовлечению новых участников. Открытость эта нашла свое завершение в идеологии олимпийского движения времен Пьера де Кубертена, инициатора организации современных Олимпийских игр (с 1896 года) и практике массового спорта первой половины XX века.

Наиболее удачной следует признать вторую часть книги, которая состоит из семи историко-публицистических параграфов, посвященных различным (прото) спортивным практикам от древности до современности. Это Олимпийские игры в древней Элладе, гладиаторские бои Римского времени, средневековые рыцарские турниры, ренессансная игра кальцио, английский бокс XVIII века, возрождение Олимпийских игр де Кубертенем и, наконец, современные практики рыночного «потребления» спорта. В этих своих очерках автор отходит от собственного бескомпромиссного разделения людей на атлетов и зрителей, хотя и не жалеет черных красок, описывая необоснованный идеализм кубертеновского «любительского» спорта. Движение де Кубертена было основано на определенной интерпретации наследия древних Олимпийских игр. По его мнению, эллинские игры были по сути своей любительскими, а само участие в них ценилось выше победы. Эти два представления (а, как считает Гумбрехт, два заблуждения) придали окончательную форму современному олимпийскому движению.

Обращая внимание на современную коммерциализацию спорта, Гумбрехт приводит любопытное наблюдение из жизни: «Несколько лет тому назад, когда я

сопровождал группу из тридцати студентов колледжа на экскурсии в традиционные японские дома в Киото, мы все последовали традиции снимать обувь перед тем, как войти в частное или религиозное помещение. Взглянув на грудку кроссовок Adidas, Nike и Reebok, я осознал, что был единственным из тридцати одного американца, на котором была неспортивная обувь. Явно никто из этих тридцати не собирался участвовать ни в каких спортивных мероприятиях – по крайней мере, не больше моего. Я увидел в этом незначительном социальном факте возможное указание на то, что спорт, замаскированный под культуру развлечений, быть может, выходит из своих традиционных берегов и проникает в нашу обычную жизнь, втягивая нас в роль безостановочных потребителей спорта, а не в роль болельщиков» (с. 97–98).

По мнению автора, следующей закономерной стадией развития гуманитарных наук в XXI веке станет открытие их дисциплинарных рамок в сторону литературы. Само исследование Гумбрехта является тому ярким примером. Оно метафорично и вписано в общий контекст тех литературных произведений, где авторы затрагивают тему спорта. Он вступает с ними в диалог, полемизирует, уточняет свои наблюдения. Это, прежде всего, Роберт Музиль (автор романа «Человек без свойств») и Генрих фон Клейст. Остается, правда, открытым вопрос, не перестанут ли из-за этого гуманитарные науки говорить о причинности, не заменит ли изысканное со стилистической точки зрения описание логический анализ.